

дательство. Не только религия, но и всякая нематериалистическая и непозитивистская философия были заранее подозрительны и даже заранее были признаны ложными, потому что в них ощущалось сродство с духом “старого режима”, их стиль не согласовывался с принятым стилем прогрессивно-революционного мировоззрения.

И когда в душах интеллигенции, начиная с 1905 года, этот пыл начал уже потухать, и, в особенности, когда интеллигенция в октябре 1917 года в ужасе и смятении отшатнулась от зажженного ею же пожара, огонь этой веры перешел в души простых русских мужиков, солдат и рабочих. Но еще и сейчас, по Франку, немало интеллигентов, людей, считающих себя мыслящими и разумными политическими деятелями, которые продолжают судорожно за нее цепляться, ибо боятся, утерев ее, утратить смысл жизни, хотя она давно уже утратила всякий смысл и значимость. “Идолопоклонство революционной веры заключалось не только в том, и даже совсем не в том, что она имела ложные или односторонние социально-политические идеалы, а в том, что она поклонялась своим общественным идеям как *идолу* и признала за ними достоинство и права всевластного божества. То, что сейчас погибло и крушение чего есть, быть может, единственное оправдание или единственный смысл всей общественной катастрофы, есть не только определенное общественное мировоззрение, а именно сама *качественная природа* ложной, идолопоклоннической веры”¹.

Болезненная раздвоенность русского национального духа выразилась у интеллигенции в сентиментально-мечтательном бессилии, с одной стороны, а с другой – в нравственной развращенности революционного черносотенства. То же и в нижних слоях – пассивная кротость и беззащитность доброго русского мужика и его же способность идти на темную исступленность погромов и пугачевщины. Такое понимание духовного источника нашей болезни указывает необходимую цель возможного возрождения. Эту цель Франк видит в пробуждении творческого мужества, основанного на смиренном сознании своей зависимости от высших сил и укоренности в них.

КАК ВОЗМОЖНА ДУХОВНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

Орлова Н.Х.

г. Санкт-Петербург. Россия

Революция 1917 года была той исторической точкой, в которой функция и значение русской интеллигенции нуждались в ревизии. Какова степень ответственности интеллигенции за трагедию революции? В чем ее судьба и грехи? И как возможна интеллигенция в новых условиях, с новым опытом своего поражения? В своей работе «Трагедия интеллигенции» [1] Г. Федотов подчеркивает, что интеллигенция есть явление историческое, а, следовательно, подлежит динамике исторических перемен и новых исторических задач.

В творчестве религиозных мыслителей Русского Зарубежья тема интеллигенции ставится остро и бескомпромиссно. Это была так называемая первая волна эмиграции. Она, по мнению исследователей, была событием эпохального значения, в результате которого за границы России была экспортирована культура, которая до сего времени Западу была недоступна и почти неизвестна. Для русского религиозного зарубежья Запад стал убежищем и одновременно очагом изгнанной из страны элитарной культуры. Это означало резкое усиление значения эмигрантов как фактора грядущего возрождения.

Эта задача запрашивала новой интеллигенции, которая отрывается от народа уже не по причине своей атонии, а по причине смены ролей. Русский народ, вихрем революции выдернутый из своих исторических корней, уже не мог решать задачу сохранения России. И новая интеллигенция, нацеливаясь на духовность, на религиозное сознание, на православие, как бы возвращала России возможность ее истории. Православие, которое «парализовано в массах, но живо в личностях» посредством новой духовной интеллигенции понималось как та сила, которая способна развернуть русский народ к его историческим корням, национальному самосознанию, нравственным ценностям.

Как пишет известный исследователь русского религиозного зарубежья Антуан Нивьер: «Поистине, священнослужители – особая глава в истории русской эмиграции. Это люди, преданные Богу и народу своему, люди, которые верили в будущее России и в духовную миссию Православия» [2]. На наш взгляд можно с уверенностью говорить, что в их среде зарождается новая духовная интеллигенция.

Общей господствующей тенденцией этого процесса было новаторство, стремление дать ответы на вопросы того времени, уход от «неподвижности» церковного консерватизма и грез прежней интеллигенции. Все это глубоко пропитано идеями мессианства, которые так эмоционально звучат в словах Г.Флоровского: «В русской смуте открылась снова и поставлена перед нами великая и жуткая задача духовного созидания и воссозидания. <...> И мы можем и должны быть не только сторонними зрителями, но и творческими соучастниками и совершителями русских судеб и русской судьбы, - не в порядке внешнего вмешательства, не в грезах о вторжении и насилии, но в творческом сопереживании, сострадании и преодолении трагизма русской души» [3].

Для новой духовной интеллигенции постулат истинной «русскости», реализовывался в том, что проблема сохранения православной культуры ставилась в центр всех смыслов. Следовало не просто физически выжить, но выжить для того, чтобы своим христианским служением, своим богословием попытаться дать ответы на вопросы, поставленные временем.

Здесь звучат идеи миссии русской эмиграции, которым была посвящена известная речь И.Бунина [4].

¹ Франк С.Л. Крушение кумиров. С.125.

Отсюда идея посланничества, которое лозунгово формулирует Дмитрий Мережковский: «Мы не в изгнании. Мы – в послании». Расшифрованная словами Г. Флоровского о «призвании», «зове и задании, поставленном в Божьем замысле», эта формула позволяет обнаружить тот ресурс, тот источник, в котором черпали свою силу русские религиозные мыслители вдали от родины. Эмиграция заново открывает для себя православие, идентифицируя его с путем возрождения России.

Источники и литература

1. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991.
2. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920-1995. М., 2007. С. 42.
3. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 341.
4. Бунин И. Миссия русской эмиграции. Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г. // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 202-210.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НАРОД В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НЕОНАРОДНИКОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Салтык Г.А.
г. Курск, Россия

В начале XX века одни считали, что русская интеллигенция «есть либеральная буржуазия», другие утверждали, что она является надстройкой над привилегированными классами России, выразительницей их классовых интересов, третьи верили в то, что русская интеллигенция оторванная от жизни, отбившиеся от всяких классов теоретики, отрицающие истинно русские начала и руководимые ...Западом...»[1]. Одни считали, что «интеллигенция составляет образованную часть общества, прошедшую высшие учебные заведения». К ней относили учителей, докторов, инженеров, юристов, художников и т.д. Другие утверждали, что интеллигенция – «это все то, что разумеется под словом культурные люди, т.е. культурные классы населения».

Неонародники (представители партии социалистов-революционеров, народных) начала XX века в кардинальный признак интеллигенции вкладывали знания, способность к созиданию, усвоению и пропаганде революционной теории, высокий уровень нравственной ориентации. Так, С. Елпатьевский в статье «По поводу разговора о русской интеллигенции» утверждал, что «ученый, художник, отдавший свою жизнь на дело науки и знания, на воплощение в мраморе, в слове, в красках, в музыке своих дум и чувств, тем самым, по самому чисто общественному характеру своей деятельности - интеллигент; но ученый, продавший свое научное первородство за сытную чечевичную похлебку, выходит из рядов интеллигенции, и тот писатель, который проповедует человеконенавистничество и вносит раздор национальностей в стране, будет прав, отгораживая себя от интеллигенции, потому что он не интеллигенция страны» [2].

Для неонародников интеллигенция внесловна, внеклассовая, она «не имеет права рождения; в ней нет права сословия, печати социального положения и нет давности, нет пенсии за выслугу лет». По их убеждению возникновение интеллигенции было результатом «имманентного движения духовной первоосновы». «Силой внеклассовой», или правильнее, «межклассовой» интеллигенцию считал и лидер социалистов-революционеров В.М. Чернов. При чем, по его мнению, это была сила, с которой приходилось считаться каждому. «Игнорировать ее (интеллигенцию – Г.С.), значит закрывать глаза на действительность», - писал он в «Социалистических этюдах» [3].

Полагая, что интеллигенция, является «неоплатным должником» народа, неонародники призывали ее отдать идейные силы борьбе «за пробуждение классового, народного и человеческого самосознания в массах». Они были уверены в том, что рано или поздно произойдет слияние народа и интеллигенции. Так, А. Пешехонов восклицал: «Только слившись со своей интеллигенцией, русский народ обретет свои «действительные силы», и из «людской пыли» и «бессвязных толп» превратится в свободную и великую нацию» [4]. В.М. Чернова же искренне был уверен в том, что только «...правильная оценка роли интеллигенции ... может привлечь работника мысли ... равноправным сочленом в тот тройственный союз, в котором двумя другими сочленами будут работник сохи и работник фабричного станка. «Серп» и «молот» должны третьим равноценным собратом иметь «книгу» [5].

В целом, по образному выражению неонародников, интеллигенция призвана была помочь пролетариату и трудовому крестьянству осознать себя рабочим классом. Именно она «способна была определить будущее класса», «могла организовать его и руководить его повседневным поведением» [6].

Конечно же, революционеры пытались воплотить в жизнь свои теоретические рассуждения об исторической миссии интеллигенции. Они становились во главе подпольных групп, были вдохновителями и организаторами революционных действий населения. К примеру, большинство руководящего состава неонароднических организаций Черноземного Центра России представляли учителя, врачи, гимназисты, студенты, земские деятели. Прежде всего, хотелось бы назвать имена В.М. Чернова, А. Слетовой, М.А. Спиридоновой, Е. Жилинской, П. Шавердо, Ф. Казанцева, Коган-Бернштейна и др [7]. Все они играли заметную роль в революционной борьбе населения исследуемого региона в 1902-1917 гг.